

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)
International Scientific Journal
Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2026 Issue: 05 Volume: 157

Received: 10.05.2026
Accepted/Published: 30.05.2026 <https://T-Science.org>

Ilyos Makhmudovich Khasanov
International Institute of Food Technology and Engineering
PhD, Associate Professor, Head of the Department
of Economics and Management,
ORCID: 0009-0005-9386-459X

INSTITUTIONAL AND INNOVATION FACTORS IN IMPROVING THE EFFICIENCY OF ECONOMIC RESOURCE USE BY ENTREPRENEURIAL ENTITIES

Abstract: This article examines ways to improve the efficiency of economic resource use in entrepreneurial enterprises based on a statistical analysis of small business and regional development indicators in the Republic of Uzbekistan. The research methodology comparative dynamic analysis, sectoral comparison, growth-index calculations and qualitative interpretation of institutional determinants of resource efficiency. The empirical basis includes official data from the National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan, the Fergana Regional Statistics Department and regional statistical materials for the provinces of the Fergana Valley for 2021-2025. Using Fergana region as a detailed case, the study identifies strong resource-output potential of small business in industry, construction, services, investment and exports, but also reveals structural constraints related to uneven technological modernization, energy intensity and insufficient depth of production cooperation. The practical contribution of the study lies in recommendations for entrepreneurial enterprises and regional authorities aimed at improving the productivity of capital, labour, materials, energy and digital infrastructure.

Key words: entrepreneurship; economic resources; resource efficiency; small business; Fergana Valley; digitalization; Uzbekistan.

Language: Russian

Citation: Khasanov, I.M. (2026). Institutional and innovation factors in improving the efficiency of economic resource use by entrepreneurial entities. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 05 (157), 319-331.

Soi: <https://s-o-i.org/1.1/TAS-05-157-19>

Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2026.05.157.19>

Scopus ASCC: 2000.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СУБЪЕКТАМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация: В статье исследуются направления повышения эффективности использования экономических ресурсов в предпринимательских предприятиях на основе статистического анализа динамики малого бизнеса и регионального развития Республики Узбекистан. Методологическая база исследования включает сравнительно-динамический анализ, секторное сопоставление, расчет индексов роста и качественную интерпретацию институциональных факторов ресурсной эффективности. Эмпирическую основу составляют официальные данные Национального комитета Республики Узбекистан по статистике, Ферганского областного управления статистики, а также региональные материалы по областям Ферганской долины за 2021-2025 гг. На примере Ферганской области выявлен высокий потенциал ресурсной отдачи малого бизнеса в промышленности, строительстве, услугах, инвестициях и экспорте, однако одновременно обнаружены структурные ограничения, связанные с неоднородностью технологической модернизации, энергоемкостью и недостаточной глубиной производственной кооперации. Практическая значимость исследования состоит в разработке прикладных рекомендаций для

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	РИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

предпринимательских предприятий и региональных органов управления по повышению производительности капитала, труда, материалов, энергии и цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: предпринимательство; экономические ресурсы; ресурсная эффективность; малый бизнес; Ферганская долина; цифровизация; Узбекистан.

Введение

УДК 338.24:334.72:330.341.1

Проблема повышения эффективности использования экономических ресурсов в предпринимательских предприятиях имеет особую значимость для экономик, находящихся на этапе ускоренной структурной трансформации. Для Узбекистана данная проблема не является сугубо микроэкономической: производительность капитала, труда, материалов, энергии, земельных и цифровых ресурсов на уровне предприятий непосредственно определяет устойчивость роста валового внутреннего продукта, конкурентоспособность регионов, качество занятости и устойчивость платежного баланса.

По предварительным данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике, в январе-декабре 2025 г. ВВП страны в текущих ценах составил 1 849,7 трлн сум, увеличившись на 7,7% к соответствующему периоду 2024 г. В динамике 2021-2025 гг. объем ВВП увеличился с 861,2 до 1 849,7 трлн сум, что отражает масштабную номинальную экспансию экономики и одновременно усиливает требования к качеству ресурсного использования. Вклад малого предпринимательства в валовую добавленную стоимость в 2025 г. достиг 923,5 трлн сум, что составляет 52,2% совокупной добавленной стоимости [16; 17].

Ферганская долина является одним из наиболее показательных региональных экономических пространств Узбекистана. Высокая плотность населения, значительная трудовая база, развитая сеть малых предприятий, сельскохозяйственная специализация, текстильные и пищевые производственные цепочки, а также интенсивная внутрирегиональная торговля формируют здесь особую модель предпринимательского развития. В этой модели эффективность использования ресурсов зависит не только от объема инвестиций, но и от организационной культуры предприятий, цифровой зрелости, производственной кооперации, логистической доступности, энергоэффективности и способности трансформировать локальные ресурсы в конкурентоспособную продукцию.

Цель исследования состоит в разработке научно обоснованного подхода к повышению эффективности использования экономических ресурсов в предпринимательских предприятиях Узбекистана на основе анализа официальной статистики и актуальных международных практик. Для достижения цели поставлены задачи: раскрыть теоретико-методологическую сущность ресурсной эффективности; оценить динамику малого предпринимательства; проанализировать региональные показатели Ферганской долины; выявить ключевые факторы и ограничения; сформулировать практические рекомендации.

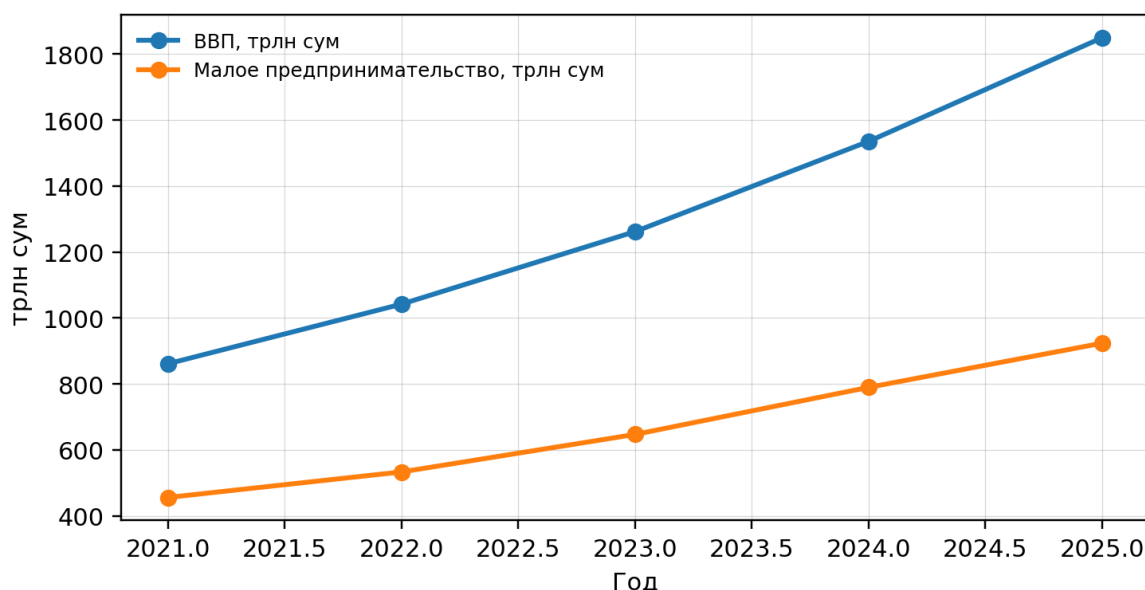

Рисунок 1. Динамика ВВП Узбекистана и вклада малого предпринимательства, 2021-2025 гг.
Источник: составлено автором по данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике [16; 17].

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	РИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

За последние пять лет исследования ресурсной эффективности предпринимательских предприятий заметно сместились от узкой производственной трактовки, где эффективность понималась как выпуск на единицу труда, капитала или сырья, к интегрированной модели устойчивой конкурентоспособности. В публикациях, индексируемых в Scopus и смежных международных базах, ресурсная эффективность МСП рассматривается как результат одновременного действия цифровой трансформации, циркулярной экономики, бережливого управления, инновационной способности, качества институтов и управленческой метризации ресурсов. Такой подход особенно значим для Узбекистана, где количественный рост малого бизнеса должен сопровождаться повышением капиталоемкости, производительности труда, энергоэффективности, экспортной сложности и технологической насыщенности региональных производственных цепочек [1-13].

Концептуальная эволюция категории ресурсной эффективности

Современная литература показывает, что ресурсная эффективность в предпринимательстве больше не может сводиться к минимизации затрат. В исследованиях 2020-2026 гг. она интерпретируется как способность предприятия трансформировать ограниченные ресурсы в устойчивую добавленную стоимость при одновременном снижении потерь, повышении гибкости бизнес-модели и улучшении экологических параметров производства. Dey et al. [7] доказывают, что бережливые практики и процессные инновации повышают устойчивость цепочек поставок МСП, поскольку сокращают избыточные запасы, непроизводительные операции и потери времени. В этом смысле ресурсная эффективность является не только технической, но и организационно-управленческой категорией.

В более новых работах акцент переносится на связку «эффективность - устойчивость - цифровая измеримость». Findik, Tırgıl и Özbuğday [9] показывают, что технологии Industry 4.0 становятся условием циркулярных практик в европейских МСП, поскольку позволяют видеть потоки ресурсов, контролировать запасы и выявлять потери на уровне процессов. Ahmadov, Durst и Gerstlberger [1] обосновывают необходимость многоуровневого подхода к переходу МСП к циркулярной экономике: на микроуровне важны компетенции предпринимателя и управленческий учет, на мезоуровне - кооперация и отраслевые сети, на макроуровне - государственная политика, доступ к финансированию и институциональные

стимулы. Для Ферганской долины эта логика принципиальна, поскольку ресурсные ограничения предприятий усиливаются высокой плотностью населения, нагрузкой на землю и воду, а также неодинаковой технологической оснащенностью малого бизнеса.

Цифровизация, Industry 4.0 и управленческая метризация ресурсов

Значительный блок актуальной литературы посвящен цифровым технологиям как инструменту повышения ресурсной отдачи. Rahmani et al. [13], исследуя принятие цифровых инноваций МСП в металлообрабатывающей промышленности, установили, что цифровые способности, абсорбционная способность, ожидаемая результативность и простота применения технологий существенно влияют на готовность предприятий внедрять цифровые решения. Для предпринимательских предприятий это означает, что цифровизация не ограничивается приобретением программного обеспечения: она требует способности персонала интерпретировать данные, использовать их для планирования и связывать цифровой учет с производственными решениями.

Систематический обзор Krishnan [11] по smart manufacturing в МСП показывает, что интеллектуальное производство способно повышать использование оборудования, сокращать простои, улучшать контроль качества и снижать удельное потребление ресурсов, но его внедрение сдерживается нехваткой капитала, компетенций и цифровой зрелости. Следовательно, для малых предприятий Узбекистана целесообразна не мгновенная дорогостоящая автоматизация, а поэтапная модель: электронный учет запасов, контроль себестоимости по заказам, учет энергопотребления, цифровая маршрутизация, CRM и базовая аналитика продаж. Именно эта ступенчатая логика наиболее применима для предприятий Ферганской, Андижанской и Наманганской областей.

Библиометрические и систематические исследования по устойчивой цифровой трансформации МСП также фиксируют важный методологический вывод: цифровизация дает экономический эффект только тогда, когда встроена в систему управления производительностью. Bella et al. [6] показывают, что цифровизация и устойчивость МСП должны анализироваться совместно, поскольку технологические решения становятся фактором конкурентоспособности лишь при наличии организационных изменений, навыков персонала и ориентации на долгосрочную эффективность. Поэтому в рамках настоящего исследования цифровая инфраструктура рассматривается как самостоятельный экономический ресурс наряду с

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

трудом, капиталом, сырьем, энергией и предпринимательскими способностями.

Циркулярная экономика, зеленые компетенции и производственная кооперация

В публикациях последних лет циркулярная экономика выступает одним из наиболее разработанных направлений повышения ресурсной эффективности. Vasa-Neglia et al. [4] на основе scientometric-анализа показывают, что Industry 4.0, цели устойчивого развития и циркулярная экономика становятся взаимосвязанными исследовательскими полями. Их синтез формирует новую модель предприятия, в которой ресурсосбережение достигается не только через экономию сырья, но и через переработку, ремонт, повторное использование, промышленный симбиоз, цифровую прослеживаемость и проектирование продуктов с учетом жизненного цикла [4; 5; 8-10; 12].

Khan, Majid и Ahmed [10], анализируя производственные МСП в развивающихся странах, доказывают, что зеленый человеческий капитал и экологические стратегические способности стимулируют внедрение циркулярных практик. Этот вывод важен для Узбекистана: даже при наличии инвестиций предприятие не достигнет высокой ресурсной отдачи, если не обладает компетенциями технологического нормирования, контроля брака, учета материальных потоков и оценки экологических издержек. Иными словами, ресурсная эффективность требует не только оборудования, но и компетентностной модернизации менеджмента.

Институциональный и региональный контекст

Особое значение для настоящего исследования имеет регионально-институциональная школа анализа предпринимательства, представленная работами К. И. Курпаяниди, М. А. Икрамова и Э. С. Маргианти. В работах К. И. Курпаяниди предпринимательский сектор Узбекистана рассматривается как система, эффективность которой определяется не только внутренним менеджментом фирмы, но и качеством финансово-кредитных, административных, технологических и правовых институтов. В частности, исследования по макроэкономическому анализу и прогнозированию экономики Узбекистана, институциональным условиям ведения бизнеса и финансово-экономическому механизму предпринимательства показывают, что устойчивый рост МСП возможен лишь при сочетании деловой инициативы, доступа к финансированию, инновационной среды и рационального распределения ресурсов [24-26].

В работах К. И. Курпаяниди по национальной инновационной системе, поддержке МСП в условиях кризисных шоков, институциональной среде малых промышленных предприятий, сценариям развития экономики Узбекистана и технологическому предпринимательству раскрывается ключевая для данной статьи идея: ресурсная эффективность является производной от институциональной способности экономики превращать инвестиции, знания и предпринимательскую инициативу в производительность, экспорт и устойчивую добавленную стоимость [27-31]. Поэтому статистический рост числа субъектов малого бизнеса и объема инвестиций должен оцениваться не сам по себе, а через качество капиталоотдачи, технологическое обновление и способность предприятий к организационному обучению.

Работы М. А. Икрамова и Э. С. Маргианти усиливают инновационно-институциональное и поведенческое измерение анализа. В совместном исследовании о формировании конкурентоспособной национальной инновационной системы Узбекистана показано, что модернизация невозможна без связи предпринимательской среды, университетов, инновационной инфраструктуры и государственной политики [32]. В монографии о развитии бизнес-сектора в условиях институциональной трансформации авторы обосновывают, что административные барьеры и слабая координация институтов снижают потенциал предпринимательства, тогда как улучшение деловой среды повышает качество распределения ресурсов [33].

Исследования Э. С. Маргианти по социальному капиталу и финансовой результативности средних предприятий позволяют рассматривать доверие, командную когезию, цифровые финансовые инструменты, электронную коммерцию и управление цепями поставок как нематериальные ресурсы МСП. Для Ферганской долины это особенно актуально: предприятия региона обладают высокой плотностью деловых связей, но часто недостаточно используют формализованные цифровые платформы, управленческий учет и аналитические инструменты. Следовательно, социальный капитал должен быть дополнен цифровой дисциплиной управления ресурсами [34; 35].

Синтез литературного обзора и исследовательский разрыв

Обобщение публикаций последних лет позволяет выделить пять устойчивых выводов. Во-первых, ресурсная эффективность МСП формируется не только на производственной площадке, но и в цепочке поставок, финансовой системе, цифровой инфраструктуре и

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

институциональной среде. Во-вторых, цифровизация повышает эффективность только при наличии управленческих компетенций и способности предприятия использовать данные для решений. В-третьих, циркулярные практики требуют перехода от разовых экологических мероприятий к системной модели учета материальных потоков. В-четвертых, социальный капитал и предпринимательская культура являются реальными экономическими ресурсами, особенно в региональных экосистемах малого бизнеса. В-пятых, государственная поддержка должна оцениваться не только количеством созданных предприятий, но и изменением производительности труда, капиталоотдачи, энергоёмкости, экспортной сложности и технологической зрелости.

Вместе с тем в существующей литературе сохраняются исследовательский разрыв. Международные работы хорошо раскрывают цифровизацию, Industry 4.0 и циркулярную экономику, но часто анализируют МСП вне специфики посттрансформационных экономик Центральной Азии. Работы по Узбекистану убедительно показывают институциональные условия предпринимательства, однако нуждаются в более тесной привязке к региональной статистике и операциональным показателям ресурсной эффективности. Настоящее исследование соединяет эти два направления:

международную теорию ресурсной эффективности МСП и эмпирический анализ предпринимательского сектора Узбекистана, включая Ферганскую долину. На этой основе формулируется гипотеза: повышение эффективности использования экономических ресурсов в предпринимательских предприятиях возможно тогда, когда инвестиционный рост сочетается с цифровой метризацией ресурсов, бережливым управлением, циркулярными практиками, институциональной поддержкой и развитием региональной производственной кооперации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологически исследование опирается на сравнительно-динамический анализ, секторный анализ, индексный подход, кейс-метод и институциональный анализ. Под экономическими ресурсами понимаются капитал, труд, материальные ресурсы, энергия, земля, предпринимательские способности, информация и цифровые активы. Под эффективностью их использования понимается способность предприятия увеличивать добавленную стоимость, выпуск, прибыльность, экспортную выручку и устойчивость бизнеса при относительном снижении удельных затрат ресурсов.

Таблица 1. Национальная динамика ключевых показателей малого предпринимательства в Узбекистане, 2021-2025 гг. [16-18].

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
ВВП Узбекистана, трлн сум	861.2	1041.9	1261.8	1535.4	1849.7
Вклад малого предпринимательства в ВВП/ВДС, трлн сум	455.7	533.1	646.8	789.5	923.5
Промышленная продукция малого предпринимательства, трлн сум	124.9	143.9	177.9	307.8	383.9
Строительные работы малого предпринимательства, трлн сум	77.9	93.6	176.0	194.5	230.9
Инвестиции малого предпринимательства в основной капитал, трлн сум	109.2	127.6	176.6	265.7	362.9
Услуги малого предпринимательства, трлн сум	231.5	294.2	378.0	477.9	595.1
Экспорт малого предпринимательства, млрд долл. США	3.3	6.2	6.9	9.3	12.4

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

РЕЗУЛЬТАТЫ

Национальный контур эффективности ресурсной предпринимательского сектора

Данные за 2021-2025 гг. свидетельствуют о том, что малое предпринимательство в Узбекистане является не периферийным сектором, а центральным механизмом формирования добавленной стоимости. В 2025 г. объем малого предпринимательства в структуре ВВП составил 923,5 трлн сум против 455,7 трлн сум в 2021 г. Номинальное увеличение почти в два раза означает, что предпринимательские предприятия стали основным каналом включения трудовых, материальных и финансовых ресурсов в хозяйственный оборот [16-18].

Секторная структура показывает неодинаковую ресурсную отдачу. В 2025 г. наиболее высокий удельный вес малого предпринимательства наблюдался в сельском, лесном и рыбном хозяйстве - 91,9% от общего объема продукции, в строительстве - 73,6%, в услугах - 56,7%, в розничной торговле - 83,0%. В промышленности вклад малого предпринимательства составил 34,9%, что указывает на значительный резерв

индустриальной кооперации и технологического обновления [17; 18].

Инвестиционная динамика является одним из наиболее значимых индикаторов. Объем инвестиций малого предпринимательства в основной капитал увеличился со 109,2 трлн сум в 2021 г. до 362,9 трлн сум в 2025 г. При этом рост инвестиций сам по себе не гарантирует повышения эффективности. Если капитальные вложения направляются преимущественно на расширение площадей и оборота, но не сопровождаются цифровым учетом, энергосбережением, модернизацией оборудования и повышением квалификации персонала, ресурсная отдача может оставаться ниже потенциального уровня [17].

Экспорт малого предпринимательства увеличился с 3,3 млрд долл. США в 2021 г. до 12,4 млрд долл. США в 2025 г. Это свидетельствует о растущей внешнеэкономической интеграции предпринимательского сектора. Вместе с тем экспортная ресурсная эффективность требует перехода от сырьевой или полуфабрикатной ориентации к продукции с более высокой добавленной стоимостью, сертифицированным стандартам качества, устойчивой упаковке, управлению брендом и цифровому сопровождению контрактов [17].

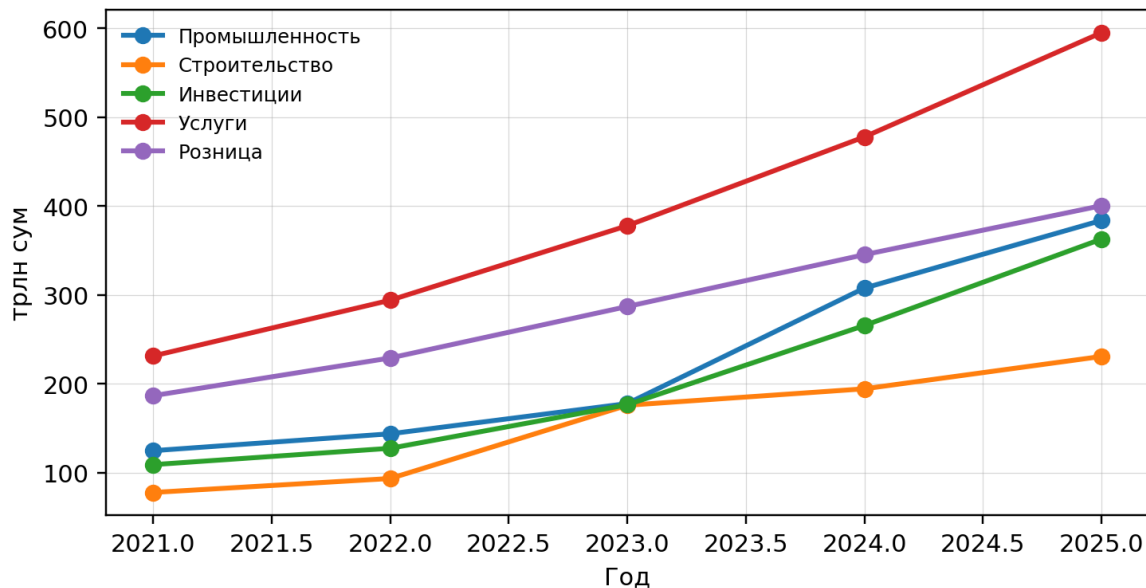

Рисунок 2. Секторная динамика малого предпринимательства в Узбекистане, 2021-2025 гг. [17; 18].

Региональный контур эффективности ресурсной предпринимательского сектора

Ферганская долина обладает высокой концентрацией предпринимательской активности и выступает естественной лабораторией для анализа эффективности использования экономических ресурсов. Ее специфика

заключается в сочетании трудоемких отраслей, интенсивной торговли, аграрной базы, текстильно-швейных и пищевых производств, высокой плотности населенных пунктов и значительного потенциала межрайонной кооперации.

Ферганская область демонстрирует устойчивое расширение малого

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИНЦ (Russia) = 0.191
 ESJI (KZ) = 8.100
 SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

предпринимательства. В январе-декабре 2025 г. в области было создано 6 417 новых малых предприятий и микрофирм против 5 949 в 2024 г. Наибольшая концентрация новых субъектов наблюдалась в городе Фергане, Коканде, Маргилане и отдельных районах с высокой торгово-производственной активностью [19].

В промышленности малые предприятия Ферганской области произвели в 2025 г. продукции на 27 648,8 млрд сум, что соответствует 55,3% общего промышленного выпуска региона. Это значительно выше национальной доли малого бизнеса в промышленном производстве, что подтверждает сильную роль региональных малых предприятий в переработке, легкой промышленности, производстве потребительских товаров и локальных цепочках поставок [19].

В строительстве малое предпринимательство Ферганской области выполнило работ на 15 926,9 млрд сум, или 83,1% общего объема строительных работ. Такая доля указывает на высокую предпринимательскую мобильность сектора, но также требует усиления контроля качества, внедрения ресурсосберегающих строительных материалов, сокращения потерь на логистике и применения проектного управления [19].

В услугах объем деятельности малого предпринимательства в Ферганской области достиг 54 265,8 млрд сум, а доля в общем объеме услуг составила 75,6%. В инвестициях в основной капитал малые предприниматели Ферганской области освоили 24 267,3 млрд сум, что составило около 74,4% общего объема инвестиций. В 2025 г. экспорт малого бизнеса региона достиг 599,1 млн долл. США, или 65,0% общего экспорта [19].

Таблица 2. Динамика ключевых показателей малого предпринимательства Ферганской области, 2021-2025 гг. [19].

Показатель Ферганской области	2021	2022	2023	2024	2025
Промышленная продукция малого бизнеса, млрд сум	12 745.0	13 398.3	18 054.2	22 558.2	27 648.8
Доля малого бизнеса в промышленности, %	43.9	44.1	49.2	46.9	55.3
Строительные работы малого бизнеса, млрд сум	6 099.1	6 951.3	12 461.4	12 994.4	15 926.9
Доля малого бизнеса в строительстве, %	87.2	80.4	83.0	82.2	83.1
Инвестиции малого бизнеса, млрд сум	7 644.4	9 564.7	12 170.2	15 597.5	24 267.3
Доля малого бизнеса в инвестициях, %	60.5	62.0	61.0	72.4	74.4
Услуги малого бизнеса, млрд сум	12 443.2	14 150.6	17 798.8	43 056.8	54 265.8
Доля малого бизнеса в услугах, %	69.9	63.2	66.9	75.8	75.6
Экспорт малого бизнеса, млн долл. США	395.8	426.5	464.3	514.7	599.1
Доля малого бизнеса в экспорте, %	51.7	51.6	68.4	61.1	65.0

Impact Factor:

ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

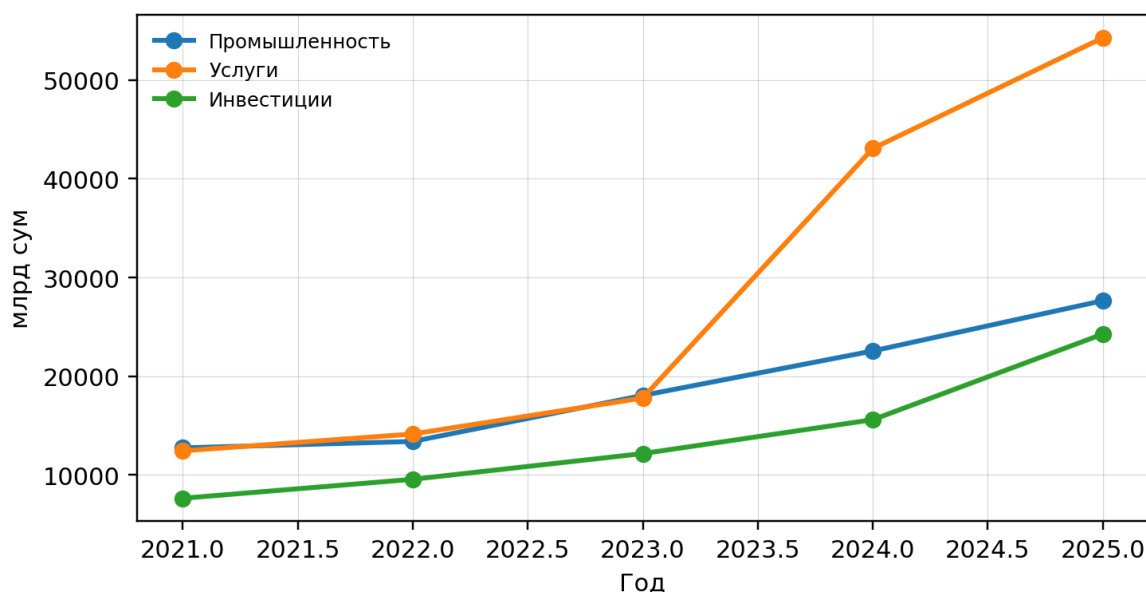

Рисунок 3. Динамика промышленности, услуг и инвестиций малого предпринимательства Ферганской области, 2021-2025 гг. [19].

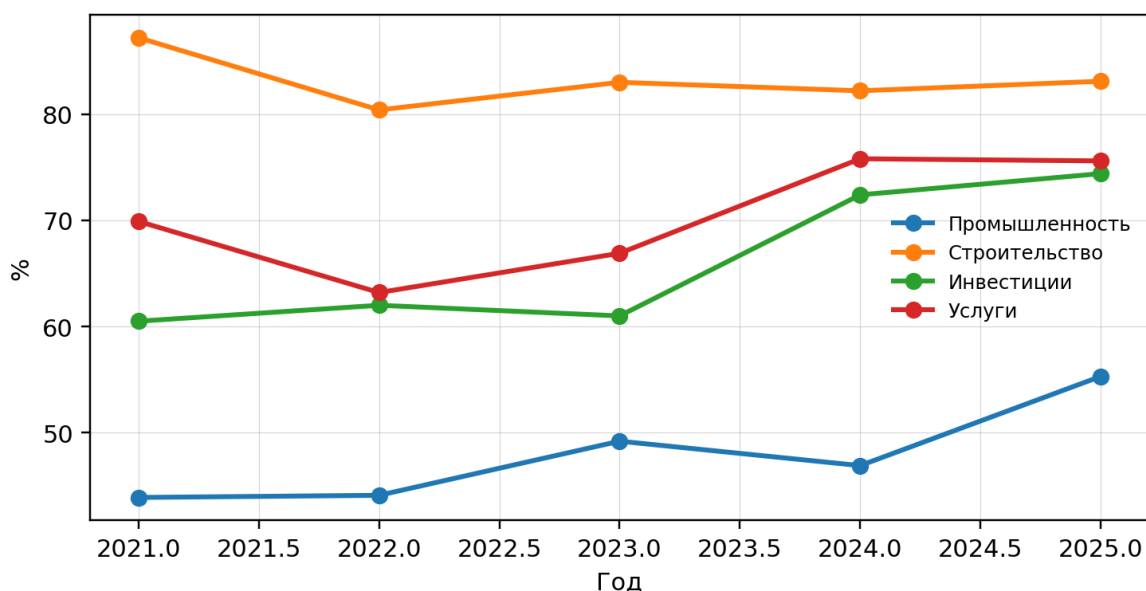

Рисунок 4. Доли малого предпринимательства Ферганской области в отдельных секторах, 2021-2025 гг. [19].

Сравнительные акценты по областям Ферганской долины

Сравнение Ферганской, Андижанской и Наманганской областей показывает, что Ферганская долина формирует неоднородное, но взаимодополняющее пространство предпринимательства. Ферганская область выделяется более детализированными официальными данными по промышленности, услугам, инвестициям и экспорту за январь-декабрь 2025 г. Андижанская область характеризуется высокой промышленной и инвестиционной активностью; по официальной региональной статистике в 2025 г. инвестиции

малого предпринимательства в основной капитал составили 20 011,0 млрд сум, или 81,5% общего объема инвестиций [20].

Наманганская область, согласно опубликованным региональным материалам за январь-сентябрь 2025 г., демонстрирует высокую роль малого предпринимательства в розничной торговле, услугах и автомобильном транспорте. Объем услуг малого бизнеса за январь-сентябрь 2025 г. составил 27 418,9 млрд сум, а доля - 74,1%; розничный товарооборот малого бизнеса достиг 17 419,4 млрд сум при доле 90,2% [21].

Для всех областей Ферганской долины характерны три общих вызова: ограниченность

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

земельных и водных ресурсов при высокой плотности населения; необходимость повышения производительности труда и капитала в малых предприятиях; потребность в переходе от простого расширения оборота к созданию устойчивых производственных цепочек.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты подтверждают, что ресурсная эффективность предпринимательских предприятий в Узбекистане определяется не одним фактором, а сочетанием инвестиционного, технологического, институционального и организационного компонентов. Высокая доля малого предпринимательства в ВВП, строительстве, сельском хозяйстве, услугах и торговле означает, что именно этот сектор аккумулирует значительную часть трудовых и материальных ресурсов. Однако высокая доля не всегда означает высокую производительность: в ряде секторов малый бизнес доминирует по объему, но сохраняет низкую степень технологической оснащенности, ручной учет, фрагментарную логистику и ограниченную интеграцию в цифровые платформы.

Международные кейсы показывают, что повышение эффективности ресурсов в предпринимательстве достигается через комбинацию пяти практик. Первая практика - бережливое производство, ориентированное на устранение потерь времени, сырья, энергии и оборотного капитала. Вторая - цифровой учет ресурсов, позволяющий видеть себестоимость и маржинальность по продуктам, заказам и клиентским сегментам. Третья - циркулярная экономика, предполагающая повторное использование материалов, сокращение отходов и промышленный симбиоз. Четвертая - энергоменеджмент, включая аудит потребления электроэнергии, тепла, воды и топлива. Пятая - интеграция МСП в платформенные рынки, где цифровые каналы продаж и логистики расширяют доступ к спросу и снижают транзакционные издержки [7; 9-14].

Для Узбекистана эти практики требуют адаптации к структуре регионального бизнеса. В Ферганской области, где малый бизнес имеет сильные позиции в промышленности и экспорте, приоритетными являются модернизация оборудования, стандарты качества, экспортная сертификация, промышленные кластеры и цифровое управление заказами. В Андижанской области, учитывая высокую инвестиционную активность малого предпринимательства, важны механизмы технологического лизинга, производственной кооперации и повышения капиталоотдачи. В Наманганской области, где существенна роль услуг и торговли, ключевыми становятся цифровые платформы, логистика

последней мили, сервисная стандартизация и поддержка электронных платежей.

Одним из критических ограничений является недостаточная управленческая метризация ресурсов. Многие малые предприятия оценивают результат по обороту и кассовой выручке, но не ведут системный учет производительности труда, энергоемкости продукции, материальных потерь, загрузки оборудования, оборачиваемости запасов и рентабельности по продуктам. Без таких показателей предприниматель принимает решения интуитивно, что снижает качество распределения ресурсов. Поэтому необходимо внедрять простой набор управленческих KPI, адаптированный для малых предприятий.

Сопоставление эмпирических результатов с регионально-институциональной школой исследования предпринимательства позволяет сделать более строгий вывод: высокая доля малого бизнеса в ВВП, строительстве, услугах и экспорте является необходимым, но недостаточным признаком эффективности. В логике К. И. Курпаяниди предпринимательство выступает не только сектором экономики, но и механизмом институционального преобразования, через который финансовые стимулы, инновационные институты и деловая среда трансформируются в выпуск, занятость и добавленную стоимость. Поэтому рост малого предпринимательства в Узбекистане за 2021-2025 гг. следует оценивать через качество капиталоотдачи, производительность труда, энергоемкость, экспортную сложность и способность предприятий к технологическому обучению.

Применительно к Ферганской долине данная логика означает, что различия между Ферганской, Андижанской и Наманганской областями не должны сводиться к простому сопоставлению объемов промышленности, услуг или инвестиций. Более корректным является институционально-ресурсный подход: Ферганская область демонстрирует сильный промышленно-экспортный профиль малого бизнеса; Андижанская область имеет выраженный инвестиционно-промышленный потенциал; Наманганская область отличается высокой значимостью торгово-сервисной активности. Каждая из этих моделей требует собственного набора инструментов ресурсной эффективности: промышленного аудита и сертификации для Ферганы, технологического лизинга и субконтракции для Андижана, цифровой торговли и сервисной стандартизации для Намангана.

Работы М. А. Икрамова и Э. С. Маргианти позволяют усилить вывод о том, что ресурсная эффективность предпринимательского предприятия зависит не только от материальных факторов, но и от качества инновационной

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

экосистемы и социального капитала. Для малых предприятий это особенно важно: ограниченность финансовых ресурсов частично компенсируется гибкостью управления, плотностью неформальных деловых связей, скоростью принятия решений и способностью использовать цифровые платформы. Однако эти преимущества становятся устойчивыми только при наличии управленческого учета, прозрачных правил взаимодействия с государственными институтами, доступа к знаниям и механизмам кооперации.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что ресурсная эффективность предпринимательских предприятий Ферганской долины трактуется как синтетическая категория, объединяющая пять блоков: материально-производственный, финансово-инвестиционный, трудовой, цифрово-информационный и институционально-кооперационный. Такой подход позволяет объяснить, почему рост инвестиций и числа предприятий не всегда автоматически ведет к росту производительности. Если предприятие не измеряет расход сырья, загрузку оборудования, потери рабочего времени, энергоемкость продукции и маржинальность заказов, то рост оборота может сопровождаться скрытым накоплением издержек. Напротив, внедрение управленческой метризации ресурсов превращает статистический рост в качественную модернизацию.

Следовательно, практическая политика в отношении предпринимательства должна переходить от универсальной поддержки малого бизнеса к дифференцированной политике повышения ресурсной производительности. Для этого необходимо формировать региональные базы данных по энергоемкости, производительности труда, капиталоотдаче и экспортной эффективности предприятий; развивать консультационные центры при вузах и торгово-промышленных структурах; поддерживать проекты, которые доказывают не только создание рабочих мест, но и снижение удельных затрат ресурсов. Такой подход соответствует современным международным практикам циркулярной экономики, Industry 4.0 и устойчивого предпринимательства.

Практические рекомендации

1. На уровне предприятия целесообразно внедрить систему «ресурсного паспорта», включающую учет трудозатрат, материальных затрат, энергопотребления, загрузки оборудования, оборачиваемости запасов и удельной себестоимости по основным продуктам.

2. Для производственных малых предприятий Ферганской долины необходимо развивать программы технологического аудита. Аудит должен выявлять узкие места: устаревшее

оборудование, избыточные потери сырья, нерациональные маршруты движения материалов, недостаточный контроль брака, высокую энергоемкость и слабую стандартизацию процессов.

3. Региональные органы управления должны стимулировать инвестиции не только по объему, но и по качеству. Приоритетная поддержка должна предоставляться проектам, которые подтверждают снижение удельного расхода энергии, воды, сырья, повышение производительности труда, экспортную ориентацию или внедрение цифрового учета.

4. Для Ферганской области следует развивать производственные кооперационные цепочки в пищевой промышленности, текстиле, строительных материалах, мебельном производстве, агропереработке и логистике.

5. Для Андижанской области рационально усилить инструменты капиталоотдачи: технологический лизинг, субконтрактацию, подготовку инженеров-технологов для малого бизнеса, внедрение производственного планирования и поддержку малых предприятий, встроенных в промышленные цепочки крупных производителей.

6. Для Наманганской области приоритетом является сервисная и торговая цифровизация: CRM, онлайн-продажи, электронные платежи, оптимизация доставки, учет клиентского спроса, развитие маркетплейсов и повышение качества услуг.

7. На уровне образовательной и научной инфраструктуры необходимо создать региональную программу «Ресурсная эффективность малого бизнеса Ферганской долины», включающую короткие курсы, консультации, методические материалы, пилотные аудиты и ежегодный рейтинг предприятий по производительности ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило, что повышение эффективности использования экономических ресурсов в предпринимательских предприятиях является одним из ключевых условий перехода экономики Узбекистана от преимущественно количественного расширения предпринимательского сектора к качественной модели роста, основанной на производительности, инновациях, цифровой управляемости и региональной кооперации. Анализ официальной статистики за 2021-2025 гг. показал, что малое предпринимательство стало системообразующим элементом национальной экономики: в 2025 г. ВВП страны достиг 1 849,7 трлн сум, а вклад малого предпринимательства в валовую добавленную стоимость составил 923,5 трлн сум. Это означает, что именно предпринимательские

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

предприятия аккумулируют значительную часть трудовых, материальных, инвестиционных и организационных ресурсов, а следовательно, качество их использования непосредственно влияет на устойчивость макроэкономического роста.

Эмпирический анализ Ферганской долины позволил выявить выраженную региональную неоднородность предпринимательского развития. Ферганская область демонстрирует наиболее сильный промышленно-экспортный профиль малого бизнеса: в 2025 г. малые предприятия обеспечили 55,3% промышленного производства, 83,1% строительных работ, 75,6% услуг, 74,4% инвестиций в основной капитал и 65,0% экспорта региона. Андижанская область характеризуется высокой инвестиционно-промышленной активностью, тогда как Наманганская область имеет значительный потенциал в сфере торговли, услуг и транспортной активности. Данная дифференциация показывает, что единая универсальная модель поддержки предпринимательства недостаточна: каждая область Ферганской долины нуждается в собственном пакете мер ресурсной эффективности.

Теоретическое обобщение публикаций последних пяти лет из международных научных баз позволило уточнить содержание категории ресурсной эффективности. В современных исследованиях она выступает не как простой показатель снижения затрат, а как синтетическая характеристика предприятия, включающая производительность труда, капиталотдачу, материалоемкость, энергоемкость, цифровую зрелость, циркулярность, инновационную способность и устойчивость цепочек поставок. Интеграция работ по Industry 4.0, smart manufacturing, циркулярной экономике и цифровой трансформации МСП показывает, что наибольший эффект достигается не за счет изолированного внедрения отдельных технологий, а через управленческую систему, в которой ресурсы измеряются, нормируются, сопоставляются с результатами и становятся объектом постоянной оптимизации [1-13].

Научная новизна исследования состоит в предложении интегральной трактовки ресурсной эффективности предпринимательских предприятий Ферганской долины как взаимосвязи пяти блоков: материально-производственного, финансово-инвестиционного, трудового, цифрово-информационного и институционально-

кооперационного. Такой подход позволяет объяснить, почему рост числа предприятий, объема инвестиций или валового выпуска не всегда автоматически означает повышение эффективности. Если предприятие не измеряет удельные затраты сырья, загрузку оборудования, производительность труда, оборачиваемость запасов, энергоемкость продукции и маржинальность заказов, количественный рост может сопровождаться скрытым накоплением издержек. Напротив, цифровая метризация ресурсов превращает расширение бизнеса в управляемую модернизацию.

Практическая значимость исследования заключается в формировании системы рекомендаций для трех уровней управления. На уровне предприятия необходимы ресурсные паспорта, учет себестоимости по продуктам и заказам, энергетический аудит, управление запасами, цифровая аналитика продаж и поэтапное внедрение бережливого производства. На уровне региональной политики требуется дифференцированная поддержка: для Ферганской области - промышленная кооперация, экспортная сертификация и технологический аудит; для Андижанской области - инструменты капиталотдачи, субконтракция и технологический лизинг; для Наманганской области - цифровая торговля, сервисная стандартизация и логистика последней мили. На уровне образовательной и научной инфраструктуры целесообразно создать региональную программу «Ресурсная эффективность малого бизнеса Ферганской долины» с участием вузов, предприятий, органов статистики, банков и институтов развития.

В целом результаты исследования показывают, что предпринимательский сектор Узбекистана обладает значительным потенциалом повышения ресурсной отдачи. Однако реализация этого потенциала требует перехода к новой управленческой культуре, где главным объектом внимания становится не только рост оборота или числа предприятий, но и качество использования каждого ресурса - труда, капитала, сырья, энергии, информации, знаний и предпринимательских способностей. Для Ферганской долины такая трансформация имеет особое значение, поскольку именно здесь высокая концентрация малого бизнеса, трудовых ресурсов и производственных традиций может стать основой формирования конкурентоспособной региональной модели ресурсосберегающего предпринимательства.

References:

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

- Ahmadov, T., Durst, S., & Gerstlberger, W. (2025). SMEs on the way to a circular economy: Insights from a multi-perspective review. *Management Review Quarterly*. <https://doi.org/10.1007/s11301-023-00380-2>
- Alsaoudi, T. A., et al. (2026). Integration of Industry 4.0 with circular economy to improve sustainable performance. *Cleaner and Responsible Consumption*.
- Awad, I. M. (2025). Competitiveness in the era of circular economy and digital innovation: An integrative review. *Sustainability*, 17(10), 4599.
- Baca-Neglia, M., et al. (2025). Industry 4.0, circular economy and sustainable development goals: Future research directions through scientometrics and mini-review. *Sustainability*, 17(14), 6468.
- Bandeira, G. L., et al. (2025). Circular economy maturity framework for SMEs. *Sustainable Futures*.
- Bella, R. L. F., et al. (2024). Small- and medium-sized enterprises: Trends and future prospects in sustainability and digitalization. *Sustainability*, 16(16), 6900.
- Dey, P. K., Malesios, C., De, D., Chowdhury, S., & Abdelaziz, F. B. (2020). Could lean practices and process innovation enhance supply chain sustainability of SMEs? *Business Strategy and the Environment*, 29(2), 582-598.
- Duarte, C. G. C., et al. (2024). Implementation of sustainability and circular economy practices in Industry 4.0 projects: A systematic and bibliometric review. *Revista de Gestão e Projetos*, 15(3).
- Findik, D., Tirgil, A., & Özbuğday, F. C. (2023). Industry 4.0 as an enabler of circular economy practices: Evidence from European SMEs. *Journal of Cleaner Production*, 410, 137281. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137281>
- Khan, M., Majid, A., & Ahmed, A. (2025). Circular economy practices in manufacturing SMEs: A perspective of environmental management in developing countries. *Sustainable Futures*, 9, 100418. <https://doi.org/10.1016/j.sft.2024.100418>
- Krishnan, R. (2024). Challenges and benefits for small and medium enterprises in the transformation to smart manufacturing: A systematic literature review and framework. *Journal of Manufacturing Technology Management*, 35(4), 918-938. <https://doi.org/10.1108/JMTM-07-2022-0255>
- Olipp, N., & Woschank, M. (2025). The impact of circular economy practices on business performance in manufacturing enterprises: A preliminary research study. In *Manufacturing 2030 - A Perspective to Future Challenges in Industrial Production* (pp. 27-35). Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-032-03722-0_3
- Rahmani, A., et al. (2024). Adoption of digital innovation for resource efficiency and sustainability in the metal industry. *Energy Policy*.
- (2024). *European Commission. Circular economy action plan and resource efficiency policy materials*. Brussels: European Commission.
- (2025). *Ministry of Investment, Industry and Trade of the Republic of Uzbekistan. Small and medium-sized enterprises: The foundation of economic growth*. Tashkent.
- (2026a). *National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. Gross domestic product of the Republic of Uzbekistan: January-December 2025*. Tashkent.
- (2026b). *National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. Key indicators of small business entities in the Republic of Uzbekistan: January-December 2025*. Tashkent.
- (2026c). *National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. Main indicators of service sector and small business in the Republic of Uzbekistan: January-December 2025*. Tashkent.
- (2026). *Fergana Regional Statistics Department. Farg'ona viloyatida kichik tadbirkorlik subyektlarining asosiy ko'rsatkichlari: 2025-yil yanvar-dekabr*. Fergana.
- (2026). *Andijan Regional Statistics Department. Andijon viloyatida kichik tadbirkorlik subyektlarining asosiy ko'rsatkichlari: 2025-yil yanvar-dekabr*. Andijan.
- (2025). *Namangan Regional Statistics Department. Namangan viloyatida kichik tadbirkorlik subyektlarining asosiy ko'rsatkichlari: 2025-yil yanvar-sentabr*. Namangan.
- UNECE. (2022). *Innovation for Sustainable Development Review of Uzbekistan*. Geneva: United Nations Economic Commission for Europe.
- World Bank. (2024). *Uzbekistan Economic Update: Sustaining growth through structural reforms*. Washington, DC: World Bank.
- Kurpayanidi, K. I. (2020a). On the problem of macroeconomic analysis and forecasting of the economy. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 03(83), 1-6. <https://doi.org/10.15863/TAS.2020.03.83.1>
- Kurpayanidi, K. I. (2020b). About some questions of classification of institutional conditions determining the structure of doing business in Uzbekistan. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 08(88), 1-8.

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

26. Kurpayanidi, K. I. (2021a). Financial and economic mechanism and its role in the development of entrepreneurship. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 01(93), 1-7. <https://doi.org/10.15863/TAS.2021.01.93.1>
27. Kurpayanidi, K. I. (2021b). *National innovation system as a key factor in the sustainable development of the economy of Uzbekistan*. E3S Web of Conferences, 258, 05026. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125805026>
28. Kurpayanidi, K. I., & Abdullaev, A. M. (2021). *Covid-19 pandemic in Central Asia: Policy and environmental implications and responses for SMEs support in Uzbekistan*. E3S Web of Conferences, 258, 05027. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125805027>
29. Kurpayanidi, K. I., Abdullaev, A. M., Ashurov, M. S., Tukhtasinova, M., & Shakirova, Y. (2023). *Methodological foundations of the study institutional environment of small industrial enterprises*. E3S Web of Conferences, 389, 09002. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202338909002>
30. Kurpayanidi, K. I. (2023). Scenarios of economic development of Uzbekistan in conditions of instability. *Journal of Central Asia Economy*, 7(1), 63-80. <https://doi.org/10.18334/asia.7.1.117188>
31. Kurpayanidi, K. I., Pulatov, O., & Yulbarsov, F. (2025). Technological entrepreneurship as a driver of economic growth in Uzbekistan. *Iqtisodiy taraqqiyot va tahlil*, 2025(2), 51-60.
32. Margianti, E. S., Ikramov, M. A., Abdullaev, A. M., & Kurpayanidi, K. I. (2020). *The issue of competitive national innovative system formation in Uzbekistan*. E3S Web of Conferences, 159, 04024. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202015904024>
33. Margianti, E. S., Ikramov, M. A., Abdullaev, A. M., Kurpayanidi, K. I., & Misdiyono. (2022). Development of the business sector of the economy in the context of institutional transformation. *Zenodo*. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6657532>
34. Margianti, E. S., Ikramov, M. A., Abdullaev, A. M., Kurpayanidi, K. I., & Misdiyono. (2020). Role of goal orientation as a predictor of social capital: Practical suggestions for the development of team cohesiveness in SMEs. *Gunadarma Publisher*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.28953.44641>
35. Sari, D., Margianti, E. S., & Oswari, T. (2026). Financial performance model in medium businesses: The role of supply chain management, financial technology adoption, e-commerce utilization and financial management behavior. *International Journal of Applied Economics and Statistics*. <https://doi.org/10.14419/px6v4027>